ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ 19.06.2024 | Анна Шелест

Три дилеммы Саммита мира

С чем связаны очевидные и неожиданные результаты Глобального саммита мира в Швейцарии?

Это уже не Тегеран-1943, но еще не Ялта-1945. У стран, участвующих в переговорах, еще нет полного ощущения, что они могут победить. Они, с одной стороны, все еще ищут варианты победы, а с другой – уже думают о будущем мироустройстве. Именно такие первые аналогии приходят на ум при анализе подготовки и проведения первого Глобального саммита мира в Швейцарии. И если известные исторические встречи имели значительно меньшее количество государств-участников и четкое понимание, кто на чьей стороне, то швейцарский саммит скорее напоминал сокращенную версию Генеральной Ассамблеи ООН.

От идеи до реализации, от выбора места до подбора слов в финальном коммюнике – как Украине, так и другим участникам саммита постоянно приходилось сталкиваться со сложным выбором, и каждый из них мог не быть идеальным.

Швейцария или Украина

Отдав Швейцарии право организации саммита, Украине пришлось передать и часть контроля над его результатами. Понятно, что Швейцария хотела прежде всего подтвердить свой многолетний статус нейтрального посредника. И хотя Украина на всех уровнях была активно вовлечена, от дипломатической работы с будущими участниками до согласования текста коммюнике, все же финальное слово оставалось за Берном. Это имело свои последствия.

Попытки угодить всем участникам саммита могли привести к негативным последствиям для Украины

Во-первых, сокращение повестки дня до трех из десяти пунктов Формулы мира: ядерная безопасность, продовольственная безопасность, возвращение пленных. Именно те вопросы, которые считаются наиболее компромиссными и где общая позиция и так называемого Запада, и так называемого Глобального Юга по большому

счету совпадают. Во-вторых, максимально выхолощена первая версия финального коммюнике. Попытка угодить всем участникам саммита могла привести к негативным последствиям для Украины и процесса урегулирования конфликта в долгосрочной перспективе. Кроме того, могло зацементировать российскую агрессию и ее последствия, как, например, оккупация ЗАЭС или нарушение территориальной целостности Украины. И хотя финальная версия документа убрала большинство рисков, нашла более четкие слова относительно российской агрессии, она явно стала менее амбициозной, чем планировала украинская сторона. Но даже этот вариант стоил организаторам саммита нескольких участников.

Количество или качество

Для Украины было крайне важно набрать не меньше голосов, чем голосовали за резолюции ООН. Напомню, в марте 2014 года резолюцию ГА ООН «О территориальной целостности Украины» поддержали 100 стран. В феврале 2024-го беспрецедентная 141 страна проголосовала за Резолюцию ГА ООН «Принципы Устава ООН, лежащие в основе всеобъемлющего, справедливого и прочного мира в Украине», которая охватывает ключевые положения Формулы мира. Оригинальный текст 16 июня 2024 года подписали 80 стран, что сопоставимо со средним показателем голосования в ГА ООН за украинские ежегодные резолюции о нарушении прав человека на оккупированных территориях.

В международной практике не так часто случается, что коммюнике остается открытым к подписанию после окончания совместного мероприятия. Соглашения, меморандумы, конвенции – да, но коммюнике в своей основе является документом, фиксирующим, что было именно на встрече. Оставить открытым для подписания финальное коммюнике саммита в Швейцарии было вынужденным шагом и фактически планом Б на случай, если некоторые страны не смогут или не захотят присоединиться к самому саммиту. Поскольку для ряда малых и островных государств было достаточно сложно и логистически, и финансово приехать на саммит, а многие из них не видели политического смысла лететь через пол земного шара на событие, которое непосредственно не касается их национальных

интересов, то перспектива более позднего подписания открывала для них окно возможностей.

Но через три дня после саммита произошел обратный процесс: три страны – Ирак, Иордания и Руанда – отозвали свои подписи под коммюнике. Это является необычным шагом и все еще требует объяснения, поскольку текст не менялся после подписания. И если Ирак и Руанда исчезли с сайта МИД Швейцарии через сутки, то ситуация с Иорданией вообще непонятна. Потому что она была на экране, который продемонстрировали во время саммита, но в тексте, который появился на сайте – уже нет.

Отсутствие Генерального секретаря ООН на саммите лишь подчеркнуло уменьшение роли, которую ООН могла бы играть как посредник в российско-украинской войне

11 государств (позже 13), присутствующих на саммите, не согласились подписывать финальное коммюнике. Достаточно ожидаемо это члены БРИКС – Бразилия, Индия, Южная Африка, и неожиданно – Саудовская Аравия, страна, которая помогала с организацией встреч советников. Отказались также Бахрейн, Армения, Индонезия, Ливия, Мексика, Объединенные Арабские Эмираты и Таиланд. Некоторые называли отсутствие РФ главной причиной. Но нашлись и те, кто формальной причиной выбрал присутствие Израиля. Кроме того, от подписания отказались Ватикан и ООН, чьи представители также участвовали. Сам факт отсутствия Генерального секретаря ООН на саммите является негативной тенденцией, которая лишь подчеркнула уменьшение роли, которую ООН могла бы играть как посредник в российско-украинской войне.

Нет также ответа, почему стратегический партнер Украины – Азербайджан – не присутствовал на саммите даже на уровне посланника. В то же время Армения, которая еще недавно считалась одним из основных союзников Москвы, хотя и не подписала финальную резолюцию, но присутствовала. А две страны, которые имеют достаточно пророссийскую репутацию, Венгрия и Сербия, даже подписали финальный документ. И если позицию Венгрии можно списать на согласованную позицию стран – членов ЕС, то решение Сербии не было ограничено политическими рамками. Несмотря на активную работу против саммита со стороны как РФ, так и Китая, им не удалось отговорить Бразилию, Турцию, Саудовскую Аравию и ОАЭ от участия в саммите.

Критики саммита активно обсуждают, «стоило ли спешить с проведением», отмечая, что более долгая подготовка теоретически могла обеспечить большее количество участников. Их оппоненты настаивают, что важно было подстроиться под саммит G7, чтобы упростить ряду мировых лидеров логистику, а следовательно, обеспечить участие на самом высоком уровне. Наблюдатели отмечают, что подготовка состоялась на фоне очередных «мирных инициатив» Китая и Бразилии, поэтому была необходимость зафиксировать для международного сообщества именно «украинский» формат будущих переговоров. Однако и первые, и вторые, и третьи забывают, что фактически переговоры о проведении саммита продолжаются с первой годовщины полномасштабного вторжения.

С Россией или без

По сути, эта дилемма в последние месяцы для многих стран распадалась на несколько меньших. Начиная с того, что некоторые страны настаивали на том, что настоящие мирные переговоры невозможны без участия РФ – позиция, которую продвигала и сама Москва, и заканчивая готовностью многих стран обсуждать только глобальные вопросы без таких чувствительных, как трибунал за военные преступления. Более того, активная работа РФ на подрыв саммита и высказывания о «готовности к переговорам» привели к тому, что даже министр иностранных дел Турции Хакан Фидан заявил, что саммит не имеет смысла, пока в нем не будет участвовать Россия, хотя и подписал финальный документ.

Если для Украины крайне важно было зафиксировать общую позицию государств, с которой дальше можно будет при благоприятных военно-политических условиях выходить на переговоры с Москвой, то многие страны боялись, что благодаря участию в саммите без РФ или подписанию коммюнике они могут потерять свой статус нейтральных в этой войне или их посреднические инициативы не будут восприниматься в будущем.

Будущее

Многие серьезные вопросы остались открытыми после саммита. Стоит ли спешить с проведением второго саммита, в котором предварительно уже заявлена возможность участия РФ, без значительных побед на поле боя? Стоит ли прилагать усилия к значительному увеличению количества участников на следующий саммит, что может негативно повлиять на процесс согласования

следующих решений? Неизбежно встанет вопрос – расширять ли круг подписантов или работать над увеличением поддержки других пунктов Формулы мира, которая хотя и не отмечается в коммюнике швейцарского саммита напрямую, но остается основным приоритетом Украины. Как минимизировать негативный эффект от продвижения альтернативных китайских инициатив и даже обсуждения российского «предложения» переговоров, которое состоялось накануне швейцарского саммита?

Но, пожалуй, самый главный вопрос – как найти механизмы, чтобы реализовать те положения, которые были зафиксированы в Совместном коммюнике об основах мира в Украине 16 июня 2024 года.

Анна Шелест
Киев

Анна Шелест (Hanna Shelest) – к.полит.н., директор программ безопасности Совета по внешней политики «Украинская призма», главный редактор UA: Ukraine Analytica.